

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԿԱՐԱՊԵՏՅԱՆ ՌՈՒԲԵՆ ՍՈՒՐԵՆԻ

**ՄԻԳՐԱՑԻԱՆ ԵՎ ԷԹՆՈՍՈՑԻԱԼ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԸ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՔԱՂԱՔՆԵՐՈՒՄ**

Է.00.04. «Ազգագրություն» մասնագիտությամբ
պատմական գիտությունների դոկտորի
գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության

Ս Ե Ղ Մ Ա Գ Ի Ր

ԵՐԵՎԱՆ – 2015

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

КАРАПЕТЯН РУБЕН СУРЕНОВИЧ

**МИГРАЦИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ГОРОДАХ АРМЕНИИ**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.04. – “Этнография”

ЕРЕВАН – 2015

Ատենախոսության թեման հաստատվել է ՀՀ ԳԱԱ հնագիտության
և ազգագրության ինստիտուտի Գիտական խորհրդում
Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝

ՌԴ ԳԱ թղթակից անդամ, ՀՀ ԳԱԱ արտասահմանյան
անդամ, պատմ. գիտ. դոկտոր, պրոֆ.՝ Յու.Վ.Հարությունյան
պատմ. գիտ.դոկտոր, պրոֆ.՝ Ռ.Ա.Նահապետյան,
պատմ. գիտ. դոկտոր, պրոֆ.՝ Ս.Ս.Մկրտչյան.

Առաջատար կազմակերպություն՝ Մարդարապատի հերոսամարտի
հուշահամալիր, Հայոց ազգագրության և ազատագրական պայքարի
պատմության թանգարան

Պաշտպանությունը կայանալու է 2015 թ. սեպտեմբերի 24-ին, ժամը 14.00, ՀՀ
ԳԱԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտում գործող ԲՈՀ-ի
Հնագիտության և ազգագրության 007 մասնագիտական խորհրդում
(հասցե՝ Երևան -0025, Չարենցի 15)

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ԳԱԱ հնագիտության և
ազգագրության ինստիտուտի գրադարանում
Սեղմագիրը առաքված է 2015 թ. օգոստոսի 24-ին

Մասնագիտական հորհրդի գիտական քարտուղար՝
պատմական գիտությունների թեկնածու Հ.Ա. Մելքոնյան

Тема диссертации утверждена на Ученом совете Института археологии и
этнографии НАН РА

Официальные оппоненты:

докт. истор. наук, член-корреспондент РАН,
иностраный член НАН РА, проф. Ю. В. Арутюнян
докт. истор. наук, проф. Р. А.Нагапетян
докт. истор. наук, проф. С.С.Մկրտչյան

Ведущая организация: Мемориальный комплекс Сардарapatской битвы,
Национальный музей этнографии Армении и истории освободительной борьбы.

Защита состоится 24 сентября 2015 г. в 14.00 часов на заседании Специализиро-
ванного совета 007 по археологии и этнографии при Институте археологии и эт-
нографии НАН РА (по адресу: Ереван-0025, ул.Чаренца 15)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии и эт-
нографии НАН РА.

Автореферат разослан 24 августа 2015 г.

Ученый секретарь Специализированного совета,
кандидат исторических наук

(Մ.Ա. Մելքոնյան)

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность работы: Получившие за последнее время большой размах территориальные перемещения этнических групп влекут за собой множество коллизий, порождающих серьезные экономические, социальные, культурные и правовые проблемы. Этим и объясняется повышенный интерес к этническим аспектам миграции населения со стороны авторитетных международных организаций, общественно-политических и научных кругов различных стран. Здесь особое значение приобретает опыт Армении, в городах которой в XX веке развернулись уникальные по своему характеру этносоциальные процессы, в ходе которых миграция, экономическое, социальное и культурное развитие и политическое строительство происходили одновременно и были взаимообусловлены. Этот опыт весьма полезен в познании закономерностей подобных процессов, которые, как показывают мировые тенденции, имеют серьезную перспективу. Поэтому:

1. Выяснение миграционного контекста развития этносоциальных процессов в городах Армении в течение всего прошлого столетия может стать основой системного осмысления перспектив глобализационных процессов.

2. Ретроспективное исследование социальных, культурных аспектов становления городского населения Армении из гомогенных по этническому составу, но гетерогенных по бывшему окружению мигрантов приобретает особое значение в прослеживании взаимосвязей социокультурных процессов с миграцией.

3. Выявление и систематизация факторов миграции различных групп населения позволяет понять логику социальных и культурных изменений в обществе и его перехода из одного состояния в другое, а также переплетения этих двух процессов.

4. Осмысление армянского «опыта» миграции и социокультурных процессов, происходивших в городах на разных этапах их развития, может стать основой разработки комплексного подхода к миграционной проблематике в целом: поиска и систематизации эмпирических данных вокруг единой исследовательской цели.

5. Разработка этносоциологических подходов к миграционной проблематике позволит реально оценить состояние и перспективы развития армянской этничности в городах Армении, в нормальных, с точки зрения этносоциального воспроизводства, условиях.

6. Формирование научно обоснованных представлений о доминантах этнического облика, нахождение во всем многообразии армянской этничности типологически сходных и специфических черт.

7. Исследование характера взаимодействия мигрантов и нового окружения в моноэтнической среде, может выявить факторы формирования городского населения, без дополнительных, связанных с межэтническим взаимодействием, коллизий. Это позволяет по-новому осмыслить пути становления современных этносоциальных общностей и их перспективы.

В решении поставленных задач важное место занимают лонгитюдные исследования этносоциальной составляющей миграционной проблематики. Направ-

ления и причины перемещений, величина потока, источники и состав мигрантов – это неполный перечень признаков, в которых проявляются этносоциальные процессы в местах выхода и входа. Города Армении не перестают быть местом аккумуляции разнородных групп этноса, социальная и культурная интеграция которых является проблемой государственного уровня, чем и обуславливается актуальность ее изучения. Систематизация знаний о пройденном пути, научное осмысление исторической роли миграции в становлении населения городов Армении позволит во многом сориентироваться в решении ее современных проблем.

Основная цель и задачи работы. На материалах серии этносоциологических исследований изучить миграционный контекст развития этносоциальных процессов в городах Армении в течение всего прошлого столетия. Работа предполагает последовательность постановки и решения следующих научных задач:

- Разработка методологических принципов комплексного исследования истории миграционных процессов в городах Республики Армения.
- Отражение общего и особенного в развитии урбанизационного процесса в Армении в двадцатом и начале двадцать первого столетия.
- Исследование факторов и динамики движения армянского населения в общезнаменном, региональном и внутривеспубликанском масштабах.
- Выявление и дифференцирование источников и направления движения миграционных потоков в территориальном и иерархическом срезам.
- Изучение социально-демографического и этнокультурного состава сельских миграционных потоков, закономерности трансформации их параметров.
- Нахождение сходств и различий в характере изменения исходных параметров у межгородских миграционных потоков из Армении и других стран.
- Обнаружение взаимосвязи формирования происхожденческой структуры населения городов Армении с характером происходящих в этносе и в отдельных его сегментах этносоциальных процессов.
- Определение субкультурного состава источников формирования населения отдельных городов республики и проведение по ним их типологии.
- Рассмотрение социального контекста становления структуры населения городов Армении, определение общего и особенного каждого из них.
- Распознавание горизонтального (территориального) и вертикального (иерархического) аспектов адаптационных и интеграционных процессов среди мигрантов в отдельных городах.
- Проследование динамики трансформации социально-культурных параметров мигрантов в структуре населения городов разного ранга .

Степень научной изученности темы. Переезд из одного места в другое является сложным социальным процессом в том смысле, что на новом месте в ходе взаимодействия со средой меняется как мигрант, так и его новое окружение. Поэтому в разработке миграционной проблематики необходимо привлекать методологические принципы междисциплинарного исследования, позволяющие обеспечить два взаимодополняющих подхода. Первый подход – описание масштабов, направлений, а также экономических, политических, социальных, этни-

ческих факторов миграции, выявление источников и состава мигрирующих групп. К такому подходу прямо или косвенно обращались видные демографы, экономисты, социологи и этнографы: С.Гейтман, А.Гидденс, Ф.Клаус, А.Сови, С.Брук, В.Валитов, Ж.Зайчкова, Т.Заславская, В.Мукомель, В.Переведенцев, В.Покшишевский, Л.Рыбаковский, Т.Рябушкин, И.Таборисская, Б.Урланис, Б.Хорев, Т.Юдина, Г.Авагян, А.Алпояджян, Л.Арутюнян, Б.Асатрян, Л.Давтян, Р.Еганян, С.Карапетян, Э.Карапетян, З.Коркотян, О.Меликсетян, Г.Погосян, Г.Саргсян, О. Туманян, В.Ходжабекян и др. Второй подход подразумевает анализ происходящих в результате миграций экономических, политических, социальных и культурных изменений в среде, откуда выезжает и куда въезжает мигрант. К исследованию этой проблематики обращались П.Антипин, Т.Бауер, М.Бойд, Ю.Бромлей, Е.Бургес, П.Бурдые, М.Вебер, Ф.Знанецкий, Л.Ионин, С.Лурье, Р.Мертон, Р.Мерфи, Р.Нибур, А.Сови, Р.Парк, Т.Парсонс, Л.Томас, О.Трущенко, Г.Хорасанян, М.Шуменко, Е.Щанина и др. Совмещение этих подходов возможно при концентрации внимания на этническом аспекте социально-демографических и культурных явлений, происходящих в результате миграции населения. В этом направлении наиболее результативными оказались сравнительные этносоциологические исследования Ю.Арутюняна, Л.Дробижевой, В.Кузнецова, М.Мартыновой, Г. Старовойтовой, А.Сусоколова, В.Шамшурова, П.Кешишяна, у которых миграционная проблематика охватывала крупные этнические группы. А исследования Ю.Арутюняна различных этнических групп, в том числе армян Москвы в 1989 и 2000 гг., могут считаться наиболее удачным примером совмещения синхронного и диахронного срезов изучаемых явлений и достижения этим путем наибольшей содержательности исследования. Этот принцип применили: исследователи репатриантов О.Меликсетян и Л.Давтян, столичного населения – Т.Акопян, проблем социокультурной адаптации мигрантов – Т.Бауер, М.Бойд, А.Гидденс, Ф.Клаус, А.Сови. Научные разработки этих авторов во многом помогают ориентироваться в поиске причинно-следственных связей в территориальных перемещениях и взаимодействиях этнических групп в урбанизированной среде, понять роль мигрантов в становлении этносоциального облика городского населения. Однако историческая реконструкция характера участия однородных этнических групп из разного этносоциального окружения в развитии городской жизни Армении в течение прошлого века не стала предметом специального исследования.

Методологические основы и объект исследования. Эмпирической базой представленной работы стали материалы трех этносоциологических исследований, проведенных в 1976-1980, 1993 и 2005 гг. по армянскому варианту программы ОСУ (автор и руководитель исследования – член-корреспондент РАН, проф. Ю.Арутюнян), в разработке и реализации которых участвовал автор представленной диссертации. По отработанной методике в первом исследовании были охвачены 12, во втором и третьем – 5 городов Армении. Методом стандартизированного интервью (выборочная совокупность первого исследования составила 3768, второго – 2092 и третьего – 1952 респондентов. См. Karapetyan R., Migration in cities of Armenia, Yerevan, 2013, p. 7-13) были зафиксированы данные о жизненном пути представителей разных поколений

городского населения республики. Основным инструментарием этносоциологического исследования городского населения Армении являлся опросный лист, с помощью которого методом “лицом к лицу” проводилось стандартизированное интервью специально подготовленным интервьюером, что обеспечило высокое качество сбора сведений. Следует особо отметить, что процесс каждого интервью длился от 1 до 1,5 часов. Привлечение и систематизация этого ресурса “социальной памяти” позволило проверить выдвинутые гипотезы о том, что сложение этносоциального облика населения городов Армении было связано не только с их общим социально-экономическим развитием, но и в значительной мере с притоком приезжего населения и его социально-культурным взаимодействием с местным, чем и определилась роль каждого из них в происходивших в прошлом столетии этносоциальных процессах в республике.

Научная новизна и практическое значение диссертации. Данное исследование вводит в научный оборот новый материал по истории этносоциальных процессов в городах Армении: миграции, урбанизации и социально-культурных трансформаций в мононациональной урбанизированной среде. Согласно требованиям научной новизны в диссертации представлены следующие процессы исследований и соответствующие им результаты и выводы:

– Проведен трехуровневый сопоставительный анализ развития городов Армении: межреспубликанский, региональный и внутриреспубликанский, выявивший взаимосвязи урбанизации с этнодемографическими параметрами населения и особенностями исторических судеб армянского народа.

– Выявлены два направления развернувшихся в прошлом столетии миграционных процессов в армянском этносе: миграция из своей среды в иноэтническую, приводящая к его всемерной дисперсизации, и перемещение в свою этническую среду, обусловившее аккумуляцию крупных массивов армян в городах Армении.

– Анализированы факторы и состав источников миграции, разработаны принципы группировки мигрантов по региону и поселению “выхода”, прослежена динамика их перемещения в пространственно-временном срезе.

– Показана динамика этносоциальных изменений среди разных миграционных потоков, включающих исходные в местах вселения этнокультурные и социальные характеристики их состава.

– Определены основные принципы классификации источников формирования состава населения городов, представлен дифференцированный подход к их типологии .

– Обоснован тезис значимой роли мигрантов из разных регионов Армении, разных стран и республик в становлении источников населения ее городов.

– Рассмотрены теоретические основы определения этносоциального пространства урбанизированной среды и выделены два его составных аспекта.

– Изучен территориальный контекст адаптационного процесса и взаимосвязи типа локализации мигранта по городской территории с характером его взаимодействия с окружающей средой.

– Выявлены и изучены два среза иерархического контекста адаптационного процесса: социальной иерархии городской территории и социальной структуры населения.

– Определена этнокультурная составляющая взаимосвязей социальных передвижений с источником миграции и различий условий среды городов разного типа.

Изложенные в данной работе результаты и выводы имеют как теоретическое, так и научно-практическое значение и могут быть основой для:

- установления социальных и этнокультурных факторов и последствий миграции населения для сред, откуда происходила миграция населения и для сред, куда эти мигранты вселялись ,

- создания программ исследования армянской этничности в нормальных и экстремальных для этносоциального развития условиях,

- поиска исходных посылок в определении всего многообразия армянской этничности и ее типологического анализа,

- применения новых методик в изучении истории становления населения города, использования метода устной истории в стандартизированном интервью,

- апробации инструментария, разработки новых нестандартных подходов изучения путей становления современной армянской этничности на территории своего государства,

- разработки цикла лекций по темам “Этносоциологические проблемы миграционных процессов”, “Этническая история города: принципы исследования”, “Адаптация мигрантов в городе: проблемы исторических исследований”, “Программа этносоциологического исследования: опыт, проблемы и перспективы.”

Апробация диссертации. Работа была обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании отдела этносоциологии и отдела исследований диаспоры Института археологии и этнографии НАН РА. Основные положения, гипотезы и выводы изложены в 31 научных трудах, включая три отдельные монографии, 28 статей и материалов докладов, опубликованных в Армении (22) и за рубежом (6).

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

ВВЕДЕНИЕ

В Введении обосновывается актуальность и важность поставленной проблемы, излагается основная цель исследования и его подзадачи, подчеркивается научная новизна работы, представляется ее теоретическая и практическая ценность, а также приводятся методологические разработки и научные источники.

ГЛАВА ПЕРВАЯ УРБАНИЗАЦИЯ И ДИНАМИКА МИГРАЦИИ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Происходившие в течение XX столетия процессы урбанизации и миграции населения в Армении и других республиках СССР были соразмерны их экономическому развитию и определялись общими и специфическими факторами.

1.1. *Общее и особенное в урбанизации территории Армении.* Развитие городов Армении за прошедшее столетие было обусловлено политикой руководства бывшего СССР, судьбоносными событиями, состоянием этноса в начале XX века. В этот период в Российской империи наиболее урбанизированными были территории современной Грузии, Азербайджана и Узбекистана, менее – Украины, РФ и Белоруссии и, наконец, в меньшей степени – Армении и трех среднеазиатских республик. В течение прошлого века Армения входила в число тех республик, в которых происходил бурный рост столичного центра, а с 1960 года – быстрое развитие городов с населением 100–250 тысяч человек. В урбанизации Армении определились также закономерности регионального свойства. Вплоть до 1989 года в Закавказье был отмечен рост средних городов (в Армении они были выше, соответственно этому в структуре городского населения снизилась доля малых городов. Общесоюзные закономерности урбанизации были присущи и Армении, но по ее территории этот процесс проходил неравномерно, из-за чего произошла перестройка пространственной структуры размещения всего городского населения. Основной причиной этого явления стало производное очерчивание границ республики, вследствие чего в ней (как это было в Грузии и Азербайджане) не оказалось крупной базы индустриализации. При реализации общей политической установки Центра по стимулированию экономического развития национальных республик, основой этого процесса стал бывший губернский центр, где накапливался и развивался имеющийся в Армении и в других республиках СССР индустриальный и национально-государственный ресурс. Это привело к большей концентрации значительного звена населения, в том числе, и городского, в центральной части республики, формированию в ней большой агломерации. Поэтому, наметившаяся уже в начале прошлого века диспропорция пространственной структуры размещения как всего, так и городского населения, к концу прошлого века ещё больше углубилась. Эта тенденция в целом, сохранилась и впоследствии, хотя определенные коррективы внесли экстремальные события, повлекшие трансформацию структуры расселения горожан: республика уже в начале XXI века утратила десятую часть своего населения, в основном за счет горожан.

1.2. *Динамика территориальных перемещений армянского населения.* Развитие городов Армении в XX веке стимулировалось притоком крупных групп мигрантов: жителей районов республики, беженцев, репатриантов, мигрантов из республик бывшего СССР. Первая группа отразила процесс перемещения населения внутри республики по ее территории и иерархии поселений, а остальные три отразили обширную географию источников миграции, о чем можно судить по впечатляющему за столетие росту населения Армении: с 1926

по 1989 г. оно увеличилось в пять раз, а городское – в тридцать. Анализ статистических материалов и приводимых ведущими армянскими исследователями архивных данных позволил изучить три аспекта взаимосвязей урбанизации и миграции населения Армении. *Первый аспект* – соотношение динамики урбанизации с масштабами миграции населения и составом его источников: районов республики и разных стран. Среди внутренних и внешних источников самыми крупными оказались внутриреспубликанские, особенно – миграция из сельской местности. Направления перемещений населения самой Армении укладывались в общую канву урбанизационного процесса и наметились в сторону центрального, столичного района. Определелись также внутрирайонные перемещения населения, расстояние между “выходом и входом”, которое зависело от присутствия в данном районе крупного или интенсивно растущего города. В Шираке им стал Лениканан (Гюмри), а в Лори – Кировакан (Ванадзор): абсорбируя значительную часть мобильных групп этих районов, они не могли предотвратить общий отток населения. При отсутствии такого центра миграционный поток направлялся в более крупные города других районов. Этим определялась перемена вектора и интенсивность территориальных перемещений населения республики и ее отдельных районов. Другой, наиболее значимый источник пополнения городского населения Армении – группы людей из других стран, состоявшие, помимо беженцев, из репатриантов более, чем из 30 стран мира, и бывших жителей соседних республик. *Второй аспект* – разнородное исследование характера взаимосвязей урбанизации с динамикой структуры источников миграции.

Развитие городской жизни в Армении, помимо типичных для республик СССР закономерностей, обусловилось обширным пространством расселения армянского этноса. Изменение уровня урбанизации и пространственной структуры расселения армян интенсифицировало процесс их дисперсизации, который в свою очередь повлиял как на активность миграции отдельных групп этноса из зарубежных стран в города Армении, так и на качественные параметры их представителей. Поэтому при определении закономерностей сложения каждого источника и его участия в миграционных процессах на территории Армении всегда ощущается необходимость оценки этого явления на общем фоне событий, в которых общезнаменательный полигон приобретает особое значение. *Третий аспект* – этнический. Этническая гомогенность городского населения Армении в значительной мере обусловлена моноэтническим составом как всего населения республики, так внешнего миграционного потока.

Указанными подходами взаимосвязей развития городов Армении и перемещения населения заканчивается аналитический ресурс имеющихся в наличии статистических, архивных и других материалов.

ГЛАВА ВТОРАЯ СТРУКТУРА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Переезд – довольно сложный социально-демографический процесс, в котором существенна этнокультурная составляющая. Структура источников мигра-

ции, мотивы переезда, социально-демографический состав и этнокультурные параметры мигрантов, зафиксированные в этносоциологических исследованиях, позволяют существенно продвинуться в описании того социального и культурного потенциала, который инвестировался в новую среду. Для определения качественно-количественных параметров этих инвестиций необходимо исследовать связь начальных позиций мигрантов с источником и временем миграции, и по ним выявить также характер происходивших в бывшей среде этносоциальных процессов.

2.1. Структура факторов и источников миграции. Специфика прежней среды определяет разнообразие социально-культурных параметров однородных в этническом плане миграционных потоков. Структура этих источников, в одних случаях, зависела от конкретных событий (геноцид и беженство, революции и войны), в других – от закономерностей политического и экономического развития стран и регионов “выезда”, и, наконец, в третьих – от этнического состава населения бывшего окружения. Эти взаимосвязи проявились в ответах разных групп мигрантов относительно мотивов своего приезда. В ряду экономических, социальных и духовных потребностей, стимулировавших миграционное поведение, в один период некоторые мотивы (факторы) могли стать доминирующими, в другой – второстепенными и незначительными. Одни факторы были вызваны конкретными событиями и имели свои хронологические привязки, другие – общей динамикой экономических и социальных изменений в местах выезда и въезда, следующие – спецификой бывшей среды. Основываясь на принципе противопоставления “город-село” и “внутреннее-внешнее”, источники миграции были объединены в три крупных потока: сельский, межгородской в РА и межгородской извне РА, что позволило зафиксировать различия поселенческого и этнического свойства.

2.2. Сельский миграционный поток. Он формировался из беженцев, – жителей сел соседних стран и РА. Присутствие этих источников в составе данной категории мигрантов зависело от сочетания факторов общего и специфического свойства. Так, в демографическом составе мигрантов отразилась общая тенденция старения возрастной структуры населения армянских сел, из-за чего их миграционный ресурс в Армении неуклонно сокращался, а в Грузии, Азербайджане и Северном Кавказе со временем и вовсе был исчерпан. В то же время, спад миграционной активности у жителей сел РА был связан с маятниковой миграцией, а соседних республик – с развитием трудовой миграции. В 1920-х, 1930-х гг. в составе сельских мигрантов доминировали неполные семьи, сироты, одиночки и однородные социальные группы, а уже в 1960–1970 гг. преобладали молодые возрастные когорты, потребность которых в продолжении образования, карьерного роста, в городском комфорте в значительной мере обеспечивали остававшиеся на селе родители. В первый период среди мигрантов преобладали работники преимущественно неквалифицированного физического труда (разнорабочие), а в последний период – специалисты средней и высшей квалификации, руководители. С динамикой социально-демографического состава сельских мигрантов связано изменение и их этнокультурных характеристик. Они обозначились в довольно примечательной тенденции, когда половая диспропорция в

составе мигрантов первых периодов с течением времени сменилась более пропорциональным соотношением женщин и мужчин. При этом типично женские мотивы миграции в числе причин переезда у сельских мигранток со временем уступают место казалось бы типично мужским. Характерная черта трансформации традиционных ценностей определилась также в сфере кровнородственных отношений. В результате миграционных процессов сельские семьи были разделены только пространственно, однако связи между ее членами оставались крепкими при жизни старшего поколения. К тому же, сложившаяся во второй половине прошлого века традиционная установка на совместное проживание одного из детей (обычно младшего сына) с родителями, формировала особую установку на кровнородственные отношения. Традиции большой семьи определили характер сложения социальных сетей на обширном пространстве диффузированных родственников, интенсивность общения между которыми фактически не снижалась. В экстремальной ситуации 1990-1996 гг. из городов Армении произошел обратный переток бывших сельских мигрантов, рассчитывающих на помощь родственников в получении “своей доли” распределяемых на “малой родине” сельскохозяйственных ресурсов – земли, орудий, скота. Отметилась также реанимация связей между вторым и третьим кругом родственников, наряду с этим произошло объединение под одной крышей отделившихся членов семьи. Установка на большую семью была реализована и в городе, а система ценностей, связанная с традицией большой семьи “гердастан”, обусловила крепость кровнородственных связей даже при пространственной сепарации ее членов.

В материалах трех этносоциологических исследований проявилась региональная вариативность традиционной культуры армянского этноса, она очерчивается, с одной стороны, этнографическими особенностями, с другой – степенью архаичности этой специфики, носителями которой являлись мигранты из сел разных регионов исторической Армении. В начале прошлого века этнокультурные признаки мигрантов представляли весь спектр этнографического разнообразия этноса. По мере развития урбанизации, когда этнографическая специфика стала нивелироваться, сельское звено миграционного потока становится той категорией населения, которой присуща более стойкая установка на традиционные ценности и институты. На общем фоне трансформации этнографической вариативности материальной культуры, элементов бытовая и ритуального поведения, специфика регионов в большей мере проявлялась в диалекте, в религиозности, архаичности семейно-родственных отношений, региональной идентичности, земляческих привязанностей и т. п., чем и определялся этнокультурный “вклад” сельских мигрантов в формирование самобытности городской жизни республики.

2.3. Межгородские миграционные потоки. В первой половине прошлого века внутривнутриреспубликанский сегмент составлял треть межгородских потоков, а со второй половины XX столетия стал доминировать в них. В последний период внешний сегмент преобладал в составе городских мигрантов только в 1990-х гг. Что касается основных источников формирования этой категории межгородских мигрантов, то они довольно разнообразны: их территориальные перемещения, с одной стороны, вызваны конкретными событиями, с другой –

этносоциальными процессами, происходившими в странах их предыдущего пребывания. После исхода из своей этнической территории западноармянское звено, в отличие от восточно-армянского, было более подвержено миграциям, подтверждая тем самым то общее правило, что лишившаяся своей родины этническая группа долгое время остается мобильной и склонной к повторным переездам. В тандеме отец-респондент проявились несколько направлений в траектории пространственного перемещения спасшегося от резни этого звена этноса: а) в РА; б) в зарубежные страны, и впоследствии в РА; в) в Грузию и на Северный Кавказ, далее в РА. Аналогичный характер миграций части восточно-армянского звена наблюдался и с территории соседних республик и самой РА в города Армении, Грузии, Азербайджана и России (Северного Кавказа), а далее – конечный переток в Армению. В качестве примера можно привести армян-беженцев из Баку: кроме коренных бакинцев, в их составе присутствовали выходцы и последующие генерации мигрантов из Арцаха, Гардмана, Сюника. Таким же образом, среди мигрантов из Грузии, кроме коренных жителей, оказались выходцы или их потомки из населенных армянами районов Грузии и РА.

Зависимость демографических, социальных и субкультурных качеств мигрантов от условий бывшей среды проявляется в мотивах переезда. Так, мотивы, связанные с этнической традицией, могли присутствовать у всех межгородских потоков, а с межэтническими отношениями – только у внешнего сегмента. Стремление в республику своей национальности, желание продолжить учебу на своем родном языке, работать в своем национальном окружении и другие ответы мигрантов напрямую связаны с этническим контекстом событий. Другим фактором, придающим этническую окраску мотивам миграции, стала этническая традиция, которая не могла “опредмечиваться” вне социального контекста – норм поведения, принятых в социальной группе, в конкретной этнической среде. Стремление мигранта находится в близком окружении является выражением потребностей социально-психологического свойства, но оно реализуется в рамках традиционных институтов, осуществляется в системе кровнородственных отношений.

Социальный и этнический контекст прежней среды нашел отражение в демографических, социально-профессиональных и этнокультурных параметрах мигрантов. Изменения социальных параметров межгородских потоков определились в следующей последовательности: в зависимости от величины и местоположения городов, в миграционный процесс начальных периодов были вовлечены наиболее квалифицированные группы населения, в составе которых преобладали уроженцы или старожилы. Эта тенденция была незаметной в начале, но впоследствии, по мере урбанизации Армении, она стала более отчетливой, а в последние годы – и вовсе доминирующей. По социальным параметрам внешних миграционных потоков вырисовывается общая для диаспор тенденция, когда этническая группа из одного, более или менее социально однородного состояния, в результате социальной диффузии, трансформируется в дисперсную и пространственно, и социально.

Взаимосвязь этносоциальных процессов бывшей среды с социально-культурными параметрами внешних и внутренних межгородских потоков высветили

два важных аспекта этносоциального развития армянского этноса в своей и инонациональной среде. Первый – хронологический, отразил динамику изменения социально-культурных качеств выходцев из городов Армении и переселенческих очагов других стран, второй – пространственный, показал исходную составляющую перемещения армянского населения по иерархии городов, включая территорию исторической Армении, самой РА и других стран. Социальный состав внешних источников в 1920-1930-е годы большей частью был представлен квалифицированными группами с выраженными этническими признаками. Они в значительной мере состояли из специалистов в области “производства” национальной культуры – ученые, писатели, художники, артисты, музыканты и пр. В последующем, состав этой категории мигрантов оказался более разнообразным по происхождению, но однородным по исходным параметрам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ АРМЕНИИ

В структуре населения каждого города заключена емкая по содержанию информация, позволяющая обратиться к субкультурной и социальной составляющей участников ее становления.

3.1. Субкультурная формирующая состава населения городов Армении. Она соотносится с пространственно-временной структурой источников становления населения, по которой и определился порядок расположения исследованных городов между двумя противоположными полюсами. На первом полюсе сгруппировались города, население которых сложилось за счет притока этнографически однородных групп мигрантов (Гюмри и Сисиан), на втором – неоднородных по происхождению категорий населения (Ереван и Ванадзор). На автохтонное ядро населения Гюмри в 1920-х годах наслоились беженцы из Западной Армении и Карсской области, а в последующем, – жители окрестных сел и городов, мигранты западноармянского происхождения из Грузии, России и дальнего зарубежья, но уже с определенными субкультурными отличиями, выраженность которых зависела от длительности проживания в инонациональном окружении. Население Сисиана, подобно Гюмри, также сложилось из гомогенного, но восточноармянского сегмента, и, несмотря на это, между этими городами отметились существенные различия как в пространственно-временной структуре источников, так и в субкультурных признаках мигрантов. В составе населения Гюмри на протяжении длительного временного интервала (1920–1980 гг.) были отмечены и внутрирайонные, внерайонные, и внереспубликанские миграционные потоки, а Сисиана – только жители окружающих его сел, переселившихся в 1960-х и 1970-х гг. В список близких Сисиану городов можно включить Капан, Ехекнадзор и Иджеван, в которых местный источник составил 87%, 82% и 79% всего миграционного потока. А в Ташире и Аштараке, мигранты составили только половину числа их жителей. По многообразию источников становления населения на противоположном полюсе оказались Ереван, Абовян, Армавир, Ванадзор, Бюреган, Раздан. В составе населения Армавира внешние миграционные потоки составили две третьих, Еревана и Раздана – три четверти, в Бюре-

гаване – четыре пятых всех мигрантов. Таким образом состав участников сложения населения Ехекнадзора, Иджевана и Капана близки к сисианскому типу, а Еревана, Армавира и Раздана – к бюрегаванскому. Города Гюмри, Ванадзор, Ташир и Аштарак расположены в центре пересечения этих полюсов. Следовательно, схожесть структур населения городов и специфика каждого из них обусловлены системой факторов “притяжения” мигрантов, связанных с параметрами сред “выхода-входа”. Первый из них, фактор *величины* города, “работает” в следующей последовательной связи: чем больше город, тем выше в составе его населения доля уроженцев, а среди мигрантов – доля межгородских потоков. В малых городах, удельный вес уроженцев оказался наибольшим. Образовавшиеся на месте крупных сел и находившиеся в стороне от индустриальных центров, эти городские поселения росли в основном за счет естественного прироста и медленного вбирания жителей окрестных сел. В составе населения более крупных городов (30-50 тыс.ч.) разброс показателей доли мигрантов увеличивается в несколько раз. Эта закономерность нарушается только в крупных городах, в – Гюмри и Ванадзоре, которые половину своего миграционного ресурса обеспечивали за счет жителей своего района. Следующий фактор – *темпы роста* числа жителей, определял объем территории, откуда набирался миграционный ресурс. У городов с высокими темпами развития (Ереван, Гюмри, Ванадзор, Раздан, Чаренцаван, Бюрегаван и др.) охват этой территории был шире, чем у городов с низким (Алаверди, Капан, Берд, Ехекнадзор, Сисиан, Иджеван, Гавар и др.). У первой группы городов население складывалось из мозаики внешних и внутренних источников, у второй – за счет естественного прироста и мигрантов из ближайших поселений. Третий фактор – *местоположение* города, определило величину территории из которой происходил приток населения. На это повлияли ограничения, связанные с государственной границей, и присутствие другого бурно развивающегося центра. В первой половине XX века, город Гюмри был способен притягивать население из довольно обширного района. Но впоследствии, с появлением и быстрым развитием Ванадзора, радиус “гравитации” Гюмри резко сузился: внутрирайонные миграции стали доминирующими. А Ванадзор, Алаверди и Иджеван, примыкая на северной границе к соседним республикам, где имелся большой массив ориентированного на переезд в Армению армянского населения, забирали себе часть этих потоков. Развитие некоторых из этих городов могло стимулировать миграцию населения из расположенных в соседних республиках армянских этнических анклавов, как например, из Джавахка или Арцаха. И, наоборот, наличие по соседству такого активного миграционного потенциала могло в свою очередь стимулировать развитие этих городов. В зависимости от расположения на пути продвижения миграционных потоков, сформировавшихся в данный период, город “забирал” часть этих потоков, величина которой определялась способностью города ее абсорбировать. Последний фактор, – *время образования* города, определял хронологические “пласты” миграций, отобразивших имевшие место события и закономерности его развития. В составе населения городов, сформировавшихся в начале прошлого века (Капан, Гюмри, Ванадзор, Горис, Гавар, Алаверди), зафиксировался массив тех мигрантов, переезд которых произошел в довоенные годы. В Бюре-

гаване, Раздане, Чаренцаване, Лусакерте и Мецаморе, интенсивный рост населения которых приходится на 1960-1970-е годы, подавляющая часть миграционного слоя представлена именно этим периодом. В отличие от Бюрегавана и Раздана, другие города республики имели более сложную хронологическую структуру миграций, при сопоставлении которых выделились три типа города. Первый тип – поселения с многолетней структурой миграций – крупные и некоторые средние города, сформировавшиеся в начале и в первой половине прошлого столетия и показавшие непрерывный рост населения. Второй тип – города со сравнительно недавней историей миграций – малые города, образовавшиеся в 1950-е и 1960-е годы на основе наличествующих в этот период поселений. Третий тип – города, население которых сложилось в 1960-1970-х гг., половину общего массива мигрантов которых составили переселенцы этих лет.

3.2. Социальная составляющая состава населения городов Армении. Она выражена в исходных параметрах его участников. Первые из них – занятость и сфера деятельности мигрантов. По отдельным городам были отмечены и общие для всех и разные для каждого из них тенденции изменения занятий и сфер деятельности мигрантов. В числе мигрантов, вовлекавшихся в промышленность городов Армении, сельские мигранты составили в Ереване 47%, в Гюмри – 63%, в Капане – 56%, в Иджеване – 43%, в Гаваре – 46%, а межгородские потоки (кроме Гюмри) – треть этой категории работников. Существенными оказались колебания показателей вовлекаемости мигрантов в другие сферы деятельности. Если в Ереване, в сфере транспорта и связи все миграционные потоки были представлены почти одинаково, то в других городах – большинство этих работников состояло из сельских мигрантов. Остальная треть этих работников в Гюмри, Капане и Гаваре формировалась из внешних межгородских потоков. Менее вариabельным оказалось соотношение миграционных потоков в составе работников сферы обслуживания и торговли: во всех городах внутренние миграционные потоки представляли подавляющее большинство. Другая отрасль деятельности – сфера управления, финансов и пр., привлекала городских мигрантов в большей мере: они составляли три четверти работников этой сферы среди мигрантов Еревана и Капана, более двух третей – среди мигрантов в Гюмри. Ереван забирал наиболее квалифицированную часть трудового потенциала миграционных потоков, которая в большей мере присутствовала во внешних межгородских потоках. Более двух третей мигрантов, вовлекавшихся в эту сферу деятельности в Ереване, составляли межгородские потоки из других стран. Доля этих работников среди сельских мигрантов в Ереване и Капане была выше, чем в Гюмри и Иджеване.

Следующей характеристикой участия мигрантов в формировании населения городов является их *социально-профессиональный состав*. Качество отбора трудового ресурса мобильного населения в конечном счете определялось местоположением и темпами развития данного города. Индустриальные кадры, как правило мигрировали в быстрорастущие города, а в медленно развивающиеся поселения в основном переезжали мигранты, профессиональные навыки которых были необходимы для сферы обслуживания, торговли, связи и т. п. Очевидной причиной этого явления – обычное отставание развития социальной инфраструктуры

от промышленного строительства. Близкие к столице малые города в процессе урбанизации играли роль своеобразного фильтра, через который в крупный индустриальный центр просачивалась наиболее подготовленная часть трудового потенциала мобильного населения, а в них “застревала” наименее квалифицированная и обремененная семейными заботами часть мигрантов. Если в начале расстояние между поселениями выхода-входа у наиболее качественной части трудового потенциала мигрантов было небольшим, то со временем оно становилось все больше. Темп этому процессу задавало экономическое развитие города въезда: основные промышленные кадры обычно формировались во время промышленного строительства. Позднее, при стабилизации роста, в миграционный оборот вовлекались уже работники сферы обслуживания. Таким образом, в динамике миграционной структуры населения исследованных городов, отображаются несколько циклов становления состава их населения – начальный, переходный и завершающий. Начальный цикл характеризуется быстрым ростом населения и интенсивным миграционным оборотом, в это время формируется первичное этносоциальное ядро города. В этот период возможно развитие двух противоположных процессов: первый – накопление и усиление однородности состава населения (Гюмри, Капан, Сисиан, Ехекнадзор), второй – формирование множества однородных по источникам населения кварталов, состоящих из старожилов, репатриантов, или новых мигрантов (Ереван, Ванадзор, Раздан). Последний процесс обычно является результатом взрывного характера роста населения, при интенсивном его притоке, независимо от того, протекает он организованно или нет, хронологической несопоставимости переселений разных групп и мозаичности населения. Этот цикл является основной стадией сложения базовых параметров дальнейшего этносоциального развития города. Одни города прошли эту стадию где-то в 1930-1950 гг. (Ереван), другие в 1960-1970 гг. (Раздан). Второй цикл, который следует вслед за первичным всплеском интенсивного роста, характеризуется равным соотношением естественного и механического прироста населения. У одних городов этот процесс прошел почти незаметно (Капан, Гавар, Ноемберян, Сисиан, Ехекнадзор), у других же он протекал обрывисто (Мецамор, Чамбарак, Ташир). В этой связи следует учесть, что интенсивность роста города обуславливает притяжение разнородных социально-демографических групп. В отличие от Ехекнадзора, Бюрегаван (как и Чаренцаван, Мецамор, Лусакерт и др.) забирал в два раза больше мигрантов старше 30 лет и семейных мигрантов по требуемым специальностям и соответствующей квалификации. Чем выше темпы развития города, тем больше он “захватывал” квалифицированную рабочую силу. Ее отбор производился по принципу социального и квалификационного соответствия, что приводило к спонтанному набору разнородных демографических и субкультурных групп, а это становилось причиной роста миграционного оборота. При третьем цикле доля уроженцев и старожилов составляла подавляющее большинство. С 1960 по 1980 гг. процент мигрантов в составе населения Раздана, Мецамора, Чаренцавана, Вардениса, Абовяна непрерывно возрастал, что свидетельствовало о незавершенности в этот период первого цикла. В другой группе городов – в Капане и Армавире доля мигрантов была значительно ниже, и по временной шкале наблюдается уменьше-

ние этой категории. Города со стабильным в этот период населением, подобные Горису, Алаверди и Гавару, непрерывно отдавали часть своего прироста другим городам республики: Армавир – Еревану, Горис – Капану и Еревану, Алаверди – Ванадзору и Еревану. В последний период к переходному циклу следует отнести два типа городских поселений: Аштарак, Ванадзор, которые в равной мере удалены от борегаванской и сисианской групп городов. Приведенная группировка отражает важную особенность источников формирования населения городов Армении: хронологическую последовательность сложения многих характеристик населения отдельных городов и динамику изменяющихся социально-культурных ситуаций в городах разного типа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИГРАНТЫ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДОВ

Переезд на новое местожительство является отправной точкой нового витка процессов трансформации социальных и культурных параметров мигрантов и их нового окружения. В этих изменениях запечатлены те качественные сдвиги, в которых высвечиваются характерные тенденции вхождения мигрантов в социокультурное пространство каждого города республики. В изучении этих процессов необходимы качественные и статистически значимые эмпирические показатели о начале жизненного пути мигрантов в данном городе, и в период проведения интервью. Сравнение этих показателей между отдельными группами населения позволило определить взаимосвязи пространственных и социальных передвижений населения с этнокультурными изменениями.

Адаптацию мигранта следует представить в виде одновременного или последовательного процесса урегулирования возникающих при переезде проблем. В зависимости от конкретной ситуации каждая из этих проблем может стать первоочередной или второстепенной, а ее разрешение – этапом начала одного или концом другого цикла адаптационного процесса. Область приложения труда, статусные, квалификационные параметры, характер социальных отношений, ценностные ориентации, этнокультурные характеристики мигрантов являются весьма неполным перечнем таких качественных признаков, по которым можно проследить пути их инфильтрации в социальный, культурный сегмент городского пространства в течение конкретного времени и в конкретной сфере деятельности. Для осмысления этих процессов в исследовании были привлечены такие доступные для измерения эмпирические данные, которые позволили определить характер их взаимодействия с местным населением на микро- или макроструктурном уровнях городского пространства. В качестве микроструктурных звеньев, заполняющих это пространство, могут выступать семья, конкретная социальная, демографическая или субкультурная группа. Совокупность этих звеньев с одной стороны образует элементы данного пространства, с другой – становится его определяющей чертой, а соотносимость этих элементов друг с другом может проявляться в горизонтальном (территориальном) срезах этого пространства, в социальном и культурном контекстах.

4.1. Горизонтальный (территориальный) аспект адаптационного процесса раскрывает особенности “вхождения” мигранта в конкретную среду отдельных сегментов городской территории. Условия жизни, социальный и происхождения состав непосредственного окружения определяют качество взаимодействия мигранта с новой средой, чем и обуславливается развитие противоположных по характеру адаптационных процессов – эволюционного и шокового. Эволюционный, отражает более или менее комфортный для мигранта процесс вживания в новую среду, когда его социальные и происхождения параметры совпадают с параметрами нового непосредственного окружения. При шоковом процессе мигрант по всему “периметру” взаимодействия вынужден соприкасаться только с незнакомым окружением. В этом плане особое значение приобретает характер локализации пришлого населения по городской территории. Показателем взаимосвязей пространственной локализации с качеством адаптации к новой среде может служить бинарная оппозиция таких признаков мигранта, как тип занимаемого им жилья: собственный дом – квартира в многоэтажном здании. Далее состав семьи: сложный – простой. И, наконец, состав непосредственного окружения: однородный – неоднородный. Совпадение признаков, представленных в первой части этой оппозиции, образует условия органического продолжения стиля жизни предыдущей среды, реанимации и укрепления прежних социальных сетей, которые позволяют мигранту быть принятым данной локальной группой. Это приводит к совпадению вертикальных и горизонтальных каналов трансмиссии социокультурных признаков прежней среды, усилению интенсивности и плотности общения внутри данной группы. В результате этих процессов в конкретных территориальных сегментах данного поселения могут возникать и длительное время существовать однородные по социальным и происхождения параметрам жителей кварталы, в которых консервируется определенная специфичность уклада жизни, взаимоотношений, социальных связей и норм поведения, благодаря которым социальное и культурное пространство города становится довольно мозаичным. По указанным признакам городское пространство может сегментироваться соответственно разнообразию социальных, происхождения, субкультурных характеристик локальных территориальных сообществ, внутри которых происходит процесс интеграции с окружением. Собственный дом создает условия консервации или долговременного функционирования устоявшихся связей и норм поведения, чему способствует нахождение этого вида жилья в кварталах рурального типа, состав жителей которого по многим признакам более однороден, чем в других территориальных сегментах города. Эти кварталы обычно формируются: а) на месте вошедшего в состав города сельского или малого городского поселения, б) в результате массового притока населения и индивидуального строительства, в) на основе оставшихся островков прежней или стихийной застройки. Указанное подтверждается материалами этносоциологических исследований, в которых четко обозначилась связь типа жилья со структурой семьи, составом соседей и адресность контактов. В отличие от жителей квартир, у которых социальный состав неоднороден, домовладельцы наоборот образуют тип, тяготеющий по своим базовым признакам к го-

могенному полюсу. Домовладельцы обычно окружены родственниками, у них чаще встречаются сложные семьи, превалируют традиционные связи, ограниченный кругом родственников и соседей. Другим фактором, влияющим на адаптационный процесс, является семья, внутри которой происходит трансмиссия специфики бывшей среды (социальных ценностей, норм поведения, культуры и пр.), интенсивность которой зависит от сложности ее состава. В городах Армении многопоколенные семьи в большей мере присутствуют в кварталах рурального типа, что объясняется стремлением отдельных групп горожан реализовать традиционную установку на большую семью, возможную в условиях индивидуального дома. Состав соседей и адресность общения мигранта в разрезе вышеуказанной дихотомии дифференцированы по степени близости происхождения: (родственники, земляки, коллеги по работе), что позволило выявить степень замкнутости сетевых отношений, а также близость адаптационного процесса к тому или иному из полюсов. В этих кардинально противоположных друг другу параметрах и заключена разница в содержании интеграционных процессов в урбанизированной среде: в кварталах одно/двухэтажных домов присутствует ситуация воспроизводства стиля жизни предыдущей среды, а в кварталах с многоэтажной застройкой – наоборот, ее нивелирования. Обычно указанные типы застроек образуются одновременно или разновременно и являются одним из изначальных характеристик данного города или результатом особенностей его развития. Об их наличии в городах разного типа можно судить по вариации доли родственников в составе ближайших соседей горожан: по последовательности уменьшения этого признака (между 40% и 20%) порядок расположения городов в зависимости от периода проведения данного этносоциологического исследования оказался различным. Так, в 1980 году этот порядок проявился в следующей последовательности – Иджеван, Гюмри, Гавар и Капан, в 1993 году – Капан, Гавар, Гюмри, Иджеван и Ереван, а в 2005 году – Гюмри, Гавар, Иджеван, Ереван и Капан. Подобная же вариация признаков определилась и в структуре семьи. При этом в 1993 г. наметилась тенденция увеличения числа семей с близким расселением родственников по боковой и нисходящей линии – как в собственных домах, так и в многоэтажках, что свидетельствует о стремлении жителей городов в тяжелые годы энергетического и военного кризисов, блокады, объединяться под одной “крышей” по кровнородственному признаку.

Общая для всего городского населения Армении взаимосвязь типа жилья с параметрами окружения и интенсивностью связей внутри социальных сетей на основе кровнородственных отношений во многом была обусловлена теми изменениями, которые произошли в 1980–1990-е гг. Экстремальные события этих лет с одной стороны интенсифицировали процесс сужения круга родства, с другой – переориентацию с дружеских или корпоративных связей в сторону территориальных (соседей) и кровнородственных. Изменения произошли и в структуре городской семьи. На фоне общей тенденции уменьшения числа сложных семей, в городах разного типа интенсивность его спада была различна: в 1993 г., по сравнению с 1980 г., в Капане число сложных семей снизилось в четыре раза, но затем, в 2005 г. (как и в Иджеване) выросло в два раза. В Ереване также от-

метился рост этого показателя, а в Гаваре и Гюмри эти изменения оказались незначительными. Различия между городами определились и по наличию родственников или соседей в составе близких друзей. Совокупность этих параметров в новой среде обитания создавала условия консервации отличительных черт прежнего образа жизни мигрантов. Система противоположных же показателей – (квартира, нуклеарная семья, отсутствие земляков и родственников по соседству, общение преимущественно не с родственниками и т. п.), определила кардинальные изменения в стиле жизни мигранта. Присутствие каждого из этих сочетаний в мозаике социального пространства территориальных сегментов образует детали общего социокультурного пазла данного города. В нем проявляются качественные различия, обусловленные условиями среды въезда, градостроительными параметрами конкретного города и предрасположенностью мигрантов к тем или иным способам адаптации. Тот факт, что независимо от типа поселения, сельские мигранты чаще, чем мигранты из городов, выбирали руральный тип расселения, свидетельствует об их стремлении сохранить прежний жизненный уклад.

Возраст брака, отношение к согласию родителей на брак, семья, как ценность – вот весьма неполный перечень индикаторов, содержащих информацию о роли важнейших элементов традиционной культуры, в частности, большой семьи (“гердастана”), в воспроизводстве стереотипов сознания и поведения разных групп населения. Это позволяет выявить элементы стиля жизни (на период проведения каждого исследования) до переезда, определить их устойчивость к новым условиям и характер инфильтрации мигрантов в культурное пространство среды вселения. Являясь этнокультурной составляющей адаптационного процесса, эти элементы традиций могут выявить механизмы их переноса в новую среду, указать на их реального носителя и транслятора. По материалам исследований среди сельских мигрантов значительно больше лиц, ориентированных на эти ценности, чем среди городских. Причем, если в Ереване этот разрыв между городскими и сельскими мигрантами был достаточно сильно выражен, а динамика изменения весьма интенсивна, то в Гюмри данные отличия оказались несущественными. Это свидетельствует о значимости культурной среды Гюмри (как и Гавара) в нивелировании различий между мигрантами и уроженцами, что, по всей видимости, обусловлено гомогенным составом населения, присутствием стабильного социокультурного ядра. Что касается других категорий – городских мигрантов и уроженцев исследованных городов, то эти различия между ними оказались несущественными и в 1980, и в 2005 гг. В 1980 году почти две трети обеих категорий горожан считались с мнением родителей. Отсюда можно сделать общий вывод не только о стойкости этого признака традиционной культуры, но и усилении со временем ее роли в брачно-семейных отношениях. Примечательно, что этот процесс происходит на фоне усиления экономической независимости молодого поколения. Можно предположить, что устойчивость этой установки с одной стороны обусловлено осознанием респондентом значимости традиционных ценностей, с другой – солидарностью старшего и младшего поколений. Представляется, что увеличение роли традиционных ценностей в семейно-родственных отношениях в городской среде обусловлено тем, что со-

циальная сеть, которая формируется в гомогенных по составу населения сегментах городского пространства, способствует их переносу и закреплению. Затем, по мере развития вторичных сетей (в учебных, рабочих и прочих сформировавшихся во внешней среде социальных группах), эти стереотипы сознания и поведения внедряются в социальные отношения всего населения.

4.2. Вертикальный (иерархический) аспект адаптационного процесса.

Социальные достижения уроженцев и разных категорий мигрантов отражаются в тенденциях и интенсивности изменений их статусных, профессиональных позиций и сфер деятельности. Поэтому важнейшим признаком инфильтрации мигранта в социокультурное пространство города может стать конечный результат передвижений по социальной лестнице – его позиционирование в наличествующей социальной иерархии в период проведения интервью. Этот процесс имеет место быть как в территориальном (горизонтальном), так и в структурном (вертикальном) срезах социальной стратификации, включающих локализацию, уровень образования и квалификацию, должностные функции, статус и т. п. В первом случае особое значение имеет карта локализации мигрантов по зонам городской территории, во втором – темп их социальной мобильности и окончательная (на период исследования) диспозиция в каждом отдельном социальном слое. Представляется, что на подобном фоне социальных процессов станет возможным также определение роли местного и приезжего населения в формировании культурного пространства городов Армении.

В социальном пространстве города оппозиция центр-периферия является одним из индикаторов в зонировании ее территории. Она базируется на серьезных функциональных различиях. Общим условием этих различий может стать планировка городской территории. Так, центры одних армянских городов застроены одно-двухэтажными домами, среди которых вкраплены жилые многоэтажки и трех-четырёхэтажные здания административного назначения (например, Гюмри до землетрясения). В других городах эта зона представлена исключительно многоэтажками с элементами индивидуальной застройки. Территория следующего типа города – Раздана, образовалась из отдельных кварталов, семи сел и новостроек – “Черемушек”, вошедших в черту города, поэтому он представляет множество сегментов индивидуальных и многоэтажных построек. Следующий тип – моногорода (Мецамор и Бюрегаван), почти лишен индивидуальных строений, его центральная часть отличается от периферийной только функциональными признаками. Последний тип города, образовавшийся на основе бывших сел (Ехекнадзор, Сисиан и др.), в основном представлен одно-двухэтажными домами, соседствующими с редкими многоэтажными зданиями. Ереван стоит особняком, так как ему присущи все виды застроек. Эти характеристики типов городов определяют общие условия их первоначального и последующего зонирования. В оппозиции “центр-периферия” представлен общий, с точки зрения градостроения, принцип зонирования городской территории. Территория каждого города в оценках его жителей также делится по этой дихотомии, и городской центр многими своими качественными признаками является для них наиболее удобным, эстетически привлекательным и комфортным местом жизни. Он притягателен и престижен в большей мере для

жителей крупных городов, представителей высших этажей социальной структуры, уроженцев данного города и городских мигрантов. К центру стремится большинство населения, и проживание в нем становится мерой социальных достижений. Социальное зонирование городской территории, возможности и намерения в выборе способа адаптации и интеграции с окружением формирует определенную направленность перемещений мигранта в этом пространстве. Разумеется, что перемещение мигранта в иерархической структуре территории города может стать признаком “успешности” его социального продвижения.

По социально-профессиональной структуре жителей центра выделились два типа города. Первый – города, в которых социальный состав населения центральной части мало отличался от периферии (демократический тип – Гавар и Капан) и города, в которых отчетливо просматриваются отличия в составе населения их районов (иерархический тип – Иджеван). В 1980 году наиболее демократичным в смысле более равномерной представленности социально-профессиональных групп по всей территории города выглядел Гавар, что, по-видимому, связано с историей этого старого города. Примерно такая же картина замечена в Капане. Ереван и Гюмри, занимая промежуточное положение, оказались близки друг к другу. По данным исследования 1980 года видно, что чем дальше расположено жилье от центра, тем ниже темпы социальной мобильности. Важно также отметить, что в 1980 году, на фоне социальных изменений, среди различных категорий населения превалировала тенденция повышения, а в 2005 году – наоборот, снижения квалификации и должности. Это означает, что социально профессиональный состав жителей центров городов республики за четверть века (в период между проведенными исследованиями) претерпел существенные изменения. Если в 1980 году сохранился определенный демократизм пространства всех городов – каких-либо социальных различий в составе населения центра и периферии почти не отмечалось, то в 2005 году уже четко обозначилась тенденция социальной иерархизации территории. Эта тенденция наметилась еще в 1970-1980-х гг., и определилась после социально-политических реформ. Вектор социальных передвижений разных категорий населения по наличествующей в советском и постсоветском периодах социальной иерархии можно определить соответствием приведенного типа зонирования города с социальными и демографическими параметрами жителей. Так, между 1980 и 2005 гг. наметились существенные изменения в расселении по территории городов уроженцев и мигрантов. У последних они коррелировались со временем проживания в данном городе, следовательно, являлись признаком “достижения” социального благополучия (вполне вероятно, и экономического, ведь очевидно, что в центре города жилье дороже, чем в периферии). Если сельские мигранты перемещались в центральную часть городского пространства в течение длительного промежутка времени (более 20 лет), то для внешних межгородских потоков было достаточно от 2 до 10 лет. При этом, если сельским мигрантам для реализации этой потребности необходимо было социально продвигнуться, то внешним межгородским потокам не было в этом надобности. В совокупности указанных признаков определилась дискретность миграционной и социальной структур жителей центра и периферии городских территорий: в одних городах

обнаруживается устоявшаяся структура населения первой зоны и подвижность второй, а в других – высокая подвижность по всей территории.

По данным этносоциологических исследований иерархичность социального пространства в фазе интенсивного роста города проявилась в виде первичного однородного этносоциального ядра и периферии, или отличных друг от друга социально-культурных зон. В последующей за этим переходной фазе в определенном сегменте территории города происходит накопление разнородного социального ресурса. Впоследствии, в период стабилизации роста населения, пространственная близость жителей города начинает совмещаться с близостью их социальных позиций, в результате чего происходит структурирование этого пространства по уже существующим социальным иерархиям. Группировка городов Армении по этому принципу показала довольно выраженную вариативность сложившихся социокультурных ситуаций, в которых проявились особенности социального “устройства” данного поселения и его культурная составляющая: центры Гюмри, Гавара и Капана в большей степени были заняты уроженцами, образующими социально-культурное ядро города. По всей видимости, жители центров этих городов становятся референтной группой для остальных горожан. Очевидно, что сложение гомогенных по социальным или происхожденческим (как в отдельности, так и в совокупности) параметрам территориальных сегментов в значительной мере определяет иерархизированность городского пространства. В различные периоды развития города могут возникать замкнутые территориальные общности, для которых сама территориальная идентификация нередко выходит на первый план. По данным этносоциологических исследований подавляющее большинство уроженцев оказалось в Гаваре, за ним следуют Гюмри (85% уроженцы, 5% и 10% сельских и городских мигрантов), Капан (соответственно 80%, 10% и 10%), Иджеван (60%, 20% и 20%) и Ереван (60%, 11%, 29%, из них 19% – мигранты извне РА). Можно предположить, что в Гюмри, Гаваре, Иджеване и Капана сложившееся социокультурное ядро населения перманентно подвергалось “вымыванию”, так как столица непрерывно втягивала в себя компоненты ядер многих городов Армении. В самом Ереване этот процесс происходил в более широком межгосударственном пространственном полигоне. В столице он оказался более динамичным, вследствие того, что быстрый рост города привел к нарушению его социокультурной целостности: с одной стороны, старожилы и уроженцы мигрировали из города, с другой – новоселы, заполняя их пространство, видоизменяли его качество.

Процесс инфильтрации мигрантов в городское пространство обнаруживается, как в изменениях социальных позиций разных категорий мигрантов, так и в их причастности к формированию социальных групп. Эти два выражения социальных процессов взаимосвязаны, так как присутствие разных категорий населения в составе каждого компонента социальной структуры предопределено в конечном счете их социальной подвижностью. Первоочередными факторами социальных изменений являются: время пребывания мигрантов на новом месте (в исследовании выделены периоды до 20 лет и выше), условия их жизнедеятельности, определяемые рангом города (в данном случае показателем является численность населения) и периодом проведения исследования – 1980,

1993 и 2005 гг. В социальных изменениях, происходивших среди мигрантов, особое значение имело время проживания в данном городе – на этот фактор активно “реагировали” все социально-профессиональные группы. На подобном фоне структурных изменений среди мигрантов и уроженцев выявились определенные различия: в одних случаях, среди каждой категории мигрантов, в других – среди отдельных социально-профессиональных групп, в третьих – между периодами исследований (1980, 1993, 2005 гг.). В хронологических рамках первого и второго исследований (1980 и 1993 гг.) по динамике социальных перемещений наиболее подвижными оказались сельские мигранты. В остальных трех категориях горожан в большей или меньшей степени отметился общий спад доли лиц, сменивших свой статус. Вместе с тем у обоих межгородских потоков отметилось заметное сокращение лиц, снизивших свой статус, у уроженцев же подобных резких изменений не отметилось. Несколько иначе проявилась вариация этих признаков в 2005 году. Схожая картина социальных перемещений обрисовалась в одном случае, между мигрантами из сел и городов вне РА, в другом – между внутренними межгородскими потоками и уроженцами. Это указывает на зависимость социальных перемещений у разных категорий горожан от сложившейся в данный период социально-экономической ситуации и принадлежности этих категорий к той или иной социальной группе и рангу города. Первой и очевидной по значимости оказалась динамика изменения социально-экономической ситуации в городах Армении, зафиксированная между годами проведенных исследований с интервалами 12-13 лет.

Общие для страны изменения социально-экономической ситуации, формирующие векторы и темпы социальных перемещений, проявились при сравнении показателей изменения социально-профессионального состава населения по данным трех этносоциологических исследований. У всех категорий горожан 1980 год оказался наиболее благоприятным для социального роста: почти по всем социально-профессиональным группам число лиц, не изменивших или понизивших свой статус в этот период, по сравнению с последующими периодами, был наименьшим, в то время, как число респондентов, повысивших свой социальный статус, был наибольшим. Главное отличие 2005 года – наивысший рост числа лиц, понизивших или вовсе не изменивших свой социальный статус. В 1993 году в общих показателях социальных перемещений, с одной стороны, зафиксирована инерция сложившегося в предыдущие десятилетия социального и профессионального продвижения, с другой – отражены признаки стагнации, за которой последовала трансформация социальной системы – ее выхолащивание (резкого снижение числа профессий и квалификаций, упрощение социального состава, сужение поля социального продвижения и т.п.). Третий из представленных факторов – происхожденческий, он определяет интенсивность социальных передвижений трех групп мигрантов и уроженцев. По разнонаправленности и темпам передвижения выделились сельские мигранты, оказавшиеся наиболее подвижной категорией, у которых к тому же выявились качественные особенности социальных достижений. Межпоколенная же передача знаний, как отправная точка и вектор социальных передвижений, по всей видимости, больше была присуща межгородским потокам, которые на новом месте занимали те

социальные позиции, которые достались им по “наследству”. И не случайно по сравнению с сельскими мигрантами они были менее подвержены социальным перемещениям. Чем крупнее было поселение “выхода” этой категории мигрантов, тем большее влияние оказывал на них социальный статус предыдущего поколения. В значительной мере такая характеристика была присуща внешним потокам 1980 и 1993 гг., а затем внутриреспубликанским потокам 1993 и 2005 гг. По данным первых исследований внешние миграционные группы находились в наиболее удобном положении. Происходя из “продвинутых” социальных слоев зарубежной диаспоры, они сразу же после переезда встраивались в верхние этажи социальной лестницы городов республики. В последующем ситуация изменилась: трансформировался социальный и профессиональный состав этой категории мигрантов, и, соответственно, они уже начинали занимать равные с внутренними межгородскими потоками первостепенные социальные позиции. Эти изменения обозначены специальным показателем – “индексом отклонения”. На основе данных трех этносоциологических исследований индекс отклонения вычислен по формуле $R = N_1 : N_2$, где N_1 – количество респондентов в данной социально-профессиональной группе в начале их трудовой деятельности, N_2 – количество респондентов, оставшихся в данной социально-профессиональной группе в период опроса. Точкой отсчета в прослеживании закономерностей этих перемещений может стать средний для каждой социально-профессиональной группы вариативный ряд этого показателя. Он указывает на зависимость изменения социальных позиций горожан от их принадлежности к конкретной социально-профессиональной группе и условий города проживания. У *сельских мигрантов* социально-профессиональные изменения в значительной мере зависели от поселения въезда, и в несколько меньшей степени – от года фиксации материала. У *городских мигрантов* индекс отклонения варьируется в большей степени от года проведения исследования и поселения въезда, и только затем – от социально-профессиональной группы. *Уроженцы* занимают среднее положение. Вариация индекса отклонения в равной мере определялась и годом исследования, и социально-профессиональной группой. Благодаря приведенным аналитическим выкладкам проявилась тесная зависимость темпов социальных перемещений от условий города (его ранга, истории развития и т. п.) и временем проведения исследования. При сопоставлении данных двух последних исследований, 1993 и 2005 гг., зафиксировалось определенное сходство, свидетельствующее о том, что у городских жителей с одной стороны, происходит “восстановление” прежних рефлексов социального продвижения, с другой – трансформация социальной структуры и сужение социальной дистанции. На этом фоне участие выделенных категорий населения в сложении каждой социально-профессиональной группы оказалось довольно своеобразной. В социальных передвижениях отдельных категорий горожан и по составу источников сложения их социальных страт проявились результаты инфильтрации мигрантов в социальное пространство городов Армении.

В представленных социальных параметрах определился довольно широкий спектр детерминированных миграцией социальных изменений среди горожан, при сопоставлении которых с культурно-ценностными представлениями разных

категорий населения определилась этносоциальная составляющая культурного пространства городов. В этой связи следует отметить, что культурная составляющая городского пространства определяется в первую очередь его собственными параметрами (величиной, рангом, экономикой, инфраструктурой и т.п.), в которых особое значение приобретает история формирования его населения. И если социальные изменения предопределены присущей городской жизни динамикой межличностных взаимодействий, социальными передвижениями, целевыми установками его жителей, то в формировании культурно-ценностных признаков фактор происхождения приобретает особый смысл. Мигрант привносит собой в новую социокультурную среду целую систему представлений, ценностей, социальных, национальных и культурных стереотипов. В процессе адаптации к новой среде специфика бывшей среды продолжает сохраняться в системе взглядов, ценностных установок, в потреблении (а также в производстве) образцов культуры не только самого мигранта, но и его последующих поколений. Мозаичность социального пространства города создает различные условия трансмиссии этих признаков. На новом месте экономические, социальные, культурные и прочие обстоятельства могут повлиять на сложившиеся традиционные социокультурные структуры, при этом одни из них подвержены разрушению, другие – зарождению. Этим и объясняется противоречивость процессов взаимной интеграции среды и пришлого населения: внесение специфики прежней среды в новую, ее сохранение, трансформацию и т. п.

Инфильтрацию мигранта в социокультурное пространство города можно представить в виде его перехода из одной реальности в новую. Момент этого перехода становится точкой бифуркации, после чего в ходе взаимодействия с новой средой из мозаики прежних и новых ценностей, установок и т. п. складывается новая реальность, которая приобретает уже более или менее устойчивую конфигурацию. Эта реальность проявляется в совокупности происходивших (исходных) и социальных (динамичных) признаков различных категорий горожан, с их культурно-ценностными ориентациями, которыми и образуются социокультурное пространство города.

В составе источников сложения социальных групп городского населения с одной стороны отражается обусловленная бывшим этносоциальным окружением специфика прежней среды, с другой – воздействие быстромениющихся условий самого города. В этом контексте оппозиции “город-село” и “своеиноэтническое окружение” обозначивают те качественные различия параметров прежней реальности, в которых обнаруживается специфика социального, культурного и этнического свойства. В противопоставлении “город-село” могут вырисовываться не только социальные, но и культурные полярные признаки. Они уже были представлены в традиционных ценностных установках и поведении мигрантов из этих типов поселений. Помимо соционормативных элементов, эти признаки проявляются во многих сферах духовной культуры – в языковой компетенции и этнически значимых культурных ценностях, в стереотипах сознания и поведения, и т. п. Тип бывшего поселения, определяющий последующую жизнь мигрантов на новом месте, обусловлен составом населения, который в селе, в отличие от города, более гомогенен в социальном,

этническом и культурном отношениях. В оппозиции своя-инонациональная среда могут присутствовать иноэтнические или, наоборот, четко очерченные свои особенности культурного свойства. Для того, чтобы выйти за рамки традиционного описания интеграционных процессов, были рассмотрены социальные, психологические и культурологические аспекты участия мигрантов в сложении социальной структуры городов. На конкретных примерах была замерена глубина “погружения” респондента в свою или иноэтническую культуру. Вместе с тем было выявлено социальное разнообразие культурной жизни и отношение к прежнему окружению. Изучение ряда специфических признаков позволило прийти к общему выводу, что конфигурация культурного пространства города складывается в результате взаимодействия двух факторов. Первый из них образуется в результате развития того или иного комплекса элементов духовной жизни, диктуемого потребностями городской среды, ритмом жизни. Вторым фактором – в качестве производителя, носителя и потребителя создаваемых и тиражируемых в данном пространстве образов культуры, является само население. Именно поэтому социокультурное пространство складывается из элементов привнесенных представлений, установок и т.п., которые, в зависимости от местоположения в этом пространстве, приобретают свою социальную значимость, ценность и соответствующую интенсивность распространения.

Процесс “вхождения” мигрантов в социокультурное пространство города имеет множество проявлений. К их числу относятся закономерности привнесения в новую среду прежних элементов культуры, с их последующим развитием или изменением и, в конечном счете, их встраиванием в общую мозаику городской культуры. От масштабов и интенсивности миграционных процессов зависит значимость этих потоков в формировании культурного пространства городов Армении, а от темпов и направленности социального продвижения мигрантов – их участие в производстве и в распространении культурных клише, формирования специфики каждого города. К разряду вторичных элементов адаптации и вхождения мигрантов в многомерное городское пространство отнесены: языковое пространство, пространство потребления профессиональной культуры, пространство бытования традиций и т. п. Таким образом этнокультурная составляющая социального пространства является производной происходящих социальных изменений и его важнейшей характеристикой. Именно она определяет его своеобразие и особенности духовной жизни населения. В этой связи особое значение приобретают те клише сознания, в которых проявляются этнические установки и представления. О них можно судить по представлениям о своем этносе и его достижениях, отношению к историческим судьбам своего народа и диспозиции к другим этносам, к другой культуре. Выявление стереотипов сознания и поведения, необходимо в понимании закономерностей формирования и распространения таких ценностных клише, от которых во многом зависит содержание экономических и политических целей общества. Это обстоятельство требует пристального внимания к роли мигрантов в формировании ценностных ориентаций, которые могут просматриваться в этнических стереотипах (авто- и гетеростереотипах), в религиозном сознании и поведении, в отношении к историческому прошлому своего народа (историческим событиям

и историческим деятелям), в представлениях о родине. Характер их бытования и изменения в значительной мере зависит от условий адаптации, позволяющих или наоборот, препятствующих привнесению и закреплению специфики жизни бывшей среды.

Культурная составляющая социального пространства является и производной происходящих социальных изменений, и его важнейшей характеристикой, определяющей его своеобразие. Усложнение иерархической структуры городского пространства формирует определенную дискретность социокультурных параметров населения. Ядро и периферия каждого социокультурного слоя наполняются новым смыслом, который приводит к сложению целой системы разнородных признаков, способствующих формированию внутри однородной по социальным параметрам группы разнородных субкультурных пластов. С другой стороны, именно в социальных проекциях культурноценностных признаков проявляется возможность проводить типологический анализ населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении резюмируются содержащиеся в диссертации проблемы, выводы и предложения. Учитывая специфику поставленных задач и основываясь на современной теории и новых эмпирических материалах об этносоциологической природе становления городского населения Армении, был выдвинут ряд рабочих гипотез и на основе этносоциологического анализа сделаны следующие выводы:

– На основе теоретических положений и эмпирических данных об этносоциальной природе урбанизации и миграции выявлен целый ряд факторов, которые помимо чисто экономических причин, являлись следствием множества произошедших в начале прошлого века событий. В результате исхода из своей территории образовался огромный массив армянского подвижного населения, которое было принуждено к дальнейшим территориальным перемещениям. Интенсивная урбанизация Армении определила направление этих перемещений в сторону своей республики, что в свою очередь стимулировало интенсификацию этого процесса.

– Проведенные в 1980, 1993 и 2005 гг. в Армении лонгитюдные этносоциологические исследования позволили выявить источники формирования населения ее городов. Аргументирован принцип их группировки на основе оппозиций “своя-инонациональная” и “городская–сельская” среды. Путем анализа полученных материалов были выведены сложные взаимосвязи между источником и временем миграции, что определялось как чередой событий, так и закономерностями развития сред “выхода-входа”.

– Анализ динамики изменения социально-демографического и субкультурного состава миграционных групп доказал зависимость исходных параметров мигрантов от характеристик бывшей среды. На этой основе выявлены специфические признаки социокультурных параметров каждой группы мигрантов и определены закономерности их изменений в бывшей среде.

– Изучение параметров сельских мигрантов позволило отследить характер демографических и социокультурных изменений в армянских селах Армении и вне ее пределов, показать развитие социального состава, старение демографической структуры, и раскрыть процесс нивелирования различий между сельскими и городскими жителями.

– Сопоставительный анализ социокультурных параметров городских мигрантов в динамике их передвижений показал, что мигранты являются носителями, сложившихся в бывшей среде культурно-бытовых особенностей. В зависимости от времени и места очертился процесс сближения исходных признаков социального порядка и расхождения субкультурного свойства.

– Исследование показало, что в жизнеописаниях респондентов проявились пространственно-временные структуры миграционных потоков каждого города. По ним отследилась зависимость источников формирования состава населения от параметров самого поселения: величины, темпов роста, местоположения и т. п. Этим определились общие и особенные взаимосвязи условий города с социальными и субкультурными слоями населения.

– Изучение поведения мигрантов в новой среде выявило существенную связь характера их локализации на городской территории с составом непосредственного окружения и структурой семьи: от типа жилья, места его расположения и характера застройки города зависела близость адаптационного процесса к разновидности его развития (эволюционного или шокового). Этим определились особенности вхождения в городскую среду каждой группы мигрантов и их роль в сложении пазла ее социальной и субкультурной мозаики.

– Сопоставление стартовых, в местах вселения, и конечных, – в период исследования, социальных позиций мигрантов позволило определить два направления их передвижения по иерархической структуре городского населения. Первое направление проявилось в переходе от демократической к иерархической модели формирования городской территории, соответственно которому и определилась зависимость локализации мигрантов от степени их социального продвижения. Второе направление показало взаимосвязанность исходных позиций горожан (уроженцев и разных групп мигрантов) и предоставляемых конкретным городом условий продвижения, с передвижениями по социальной структуре. В контексте этих проекций в совокупности с условиями конкретного поселения и определились те культурные клише сознания и поведения, которые способны дать представление о панораме культурного пространства города.

– Результаты ряда сопоставимых по времени (1980, 1993 и 2005 гг.), объекту и методике масштабных лонгитюдных этносоциологических исследований, в программу которых была заложена миграционная проблематика, дали возможность выяснить миграционный контекст развития этносоциальных процессов в городах Армении в течение всего прошлого столетия. Методом устных историй, примененным во время стандартизированного интервью статистически представительной группы респондентов, удалось раскрыть и постигнуть содержание развития событий недавней истории нашей республики в данном контексте.

По теме диссертации автором опубликованы работы:

1. Երևանի վերաբնակիչների սոցիալ-դեմոգրաֆիական պարամետրերը, Լրաբեր, ՀՍՍՀ-ի ԳԱ, 1978, № 7, с. 28-41;
2. Некоторые особенности образа жизни населения Еревана, «Լրաբեր», ՀՍՍՀ-ի ԳԱ, 1978, № 11, с. 53-59;
3. Формирование населения Еревана, Население Еревана. Этносоциологические исследования, изд. АН Арм.ССР, Ереван, 1986, с. 30-60;
4. Ереван – новый центр социально-культурного развития армянского народа, Население Еревана. Этносоциологические исследования, изд. АН Арм.ССР, Ереван, 1986, с. 9-29;
5. Территориальная подвижность населения и адаптация этнических групп в городской среде, Информационные материалы 2-й отчетно-выборной конференции Армянского отделения ССА, изд. АН Арм.ССР, Ереван, 1987, с. 71-78;
6. Об этносоциальных факторах миграции армянского населения из своей и инонациональной среды, Этнос в своей и инонациональной среде. Материалы советско-американского симпозиума. Дилижан-Ереван, изд. АН Арм.ССР, Ереван, 1989, с. 68-83;
7. Армянская семья в контексте переходного периода, Ընտանիքի հետազոտման հիմնախնդիրները, Հանրապետական գիտաժողովի նյութերը նվիրված էմնա Կարապետյանի հիշատակին, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2001, с. 54-59;
8. Об основных направлениях этносоциологического изучения армянского этноса, Сборник материалов годичной конференции ГИУА, изд. ГИУА, Ереван, 2002, т. 2, с. 572-574;
9. Language Policy in the Republic of Armenia in the Transition Period, National Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries. Edited by Fariman Daftary and Francois Grin, Flensburg, Budapest, 2003, p.139-161;
10. Պատմական վերակազմության մեջ սոցիոլոգիական հետազոտության նյութերի տեղեկատվական օգտակարության գնահատման խնդիրները, Հայ ժողովրդական մշակույթ, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2007, XIV, էջ 115-119;
11. Армянская этносоциология. Этносоциологические исследования армянского этноса: опыт, результаты и возможные направления исследований, Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания, Наука, М., 2008, с. 289-292;
12. Предпринимательская деятельность в промышленности: проблемы и перспективы социологического исследования, Сборник научных и методологических статей ГИУА, изд. ГИУА, Ереван, 2009, т.1, № 2, с.1052-1056;
13. Динамика социальных перемещений среди работников промышленности Армении (по данным социологических исследований городского насе-

- ления Армении за 1980, 1993 и 2009 гг.), Сборник научных и методологических статей ГИУА, изд. ГИУА Ереван, 2010, т. 2, № 2, с.643647, соавторы: Э. Кюрегян, В. Шамирян;
14. Этносоциальные факторы мотивации экономической деятельности и перспективы экономического развития Армении, Ավանդականը և արդիականը հայոց մշակույթում, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2010, № XV, էջ 69-79;
 15. Ереван, Арутюнян Ю.В. Об армянской диаспоре в России. Этносоциологическое исследование армян Москвы и Краснодара, изд. Гитутюн НАН РА, Ереван, 2011, с.122-138;
 16. Հայկական տեղեկատվական տարածքի մշակութային գերակայությունները, «Հայրենիք-սփյուռք ամնչությունները հայկական մամուլում», ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2012, էջ 156-184, соавтор: К.Налбандян;
 17. Ժամանակակից հայկական տեղեկատվության տարածքի ուսումնասիրության խնդիրները: Սեփական և այլազգի միջավայրում հայերի համեմատական հետազոտության հիմնական ուղղությունները. խնդիրներն ու հեռանկարները, «Հայրենիք-սփյուռք ամնչությունները հայկական մամուլում», ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2012, էջ 11-26;
 18. Опыт предпринимательства армян России на этнической родине. Кейс-стади некоторых инвестиционных проектов представителей диаспоры в Армении, Армянская диаспора в контексте российско-армянских экономических связей, Институт социальных наук, М., 2013, с. 218-232, соавтор: С. Нерсисян;
 19. Этносоциальная и экономическая составляющие взаимосвязей “родина-диаспора”, Армянская диаспора в контексте российско-армянских экономических связей, Институт социальных наук, М., 2013, 191-217;
 20. Некоторые представления о структуре деятельности армян-предпринимателей в России, Армянская диаспора в контексте российско-армянских экономических связей, Институт социальных наук, М., 2013, 175-190;
 21. Роль диаспоры в армяно-российских экономических отношениях в оценках, мнениях, комментариях экспертного сообщества Армении, Армянская диаспора в контексте российско-армянских экономических связей, Институт социальных наук, М., 2013, 134-174, соавтор: А. Барсегян;
 22. Կյանքը գաղթի ճանապարհին, Մի կյանքի պատմություն, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2013, էջ 5-25;
 23. Միգրացիան և հայկական նոր սփյուռքը, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2013, 220 էջ;
 24. Migration in cities of Armenia. Ethno-sociological study, Gitutyun, Yerevan, 2013, 284 p.;

25. Հայերը սեփական ու այլազգի միջավայրում. հայ էթնիկության ուսումնասիրության խնդիրներն ու հեռանկարները, Հայերը սեփական ու այլազգի միջավայրում. Համեմատական էթնոսոցիոլոգիական հետազոտություններ, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2014, էջ 12-19;
26. Մեծ եղեռնի վերապրածների վկայությունները, Ցեղասպանության ականատեսների հուշեր, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2014, էջ 7-12;
27. Этнокультурный контекст генетической структуры населения городов Армении// Պատմաբանասիրական հանդես, 2014, № 3, с.118-134;
28. О динамике расселения армян в XX столетии, Հայ էթնիկությունը սեփական և այլազգի միջավայրում. Հետազոտական փորձ, խնդիրներ և հեռանկարներ, Գիտաժողովի նյութերի ժողովածու, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2014, էջ 35-43;
29. Экономические взаимосвязи Армения-диаспора в России и роль социальных сетей, ԵՊՀ տնտեսագիտության ֆակուլտետ, Տարեգիրք 2013, ԵՊՀ, Երևան, 2014. 691-700, соавторств: Нерсисян, С.А.;
30. Формирование населения городов Армении. Этносоциологическое исследование. Изд. “Гитутюн”, НАН РА, 2014, 412 с.
31. Սիրիահայերը Հայաստանում.աղապտացման և ինտեգրման խնդիրները, ուսումնասիրության նպատակները, մեթոդաբանությունը և հեռանկարները, Սիրիահայերը Հայաստանում. Ինտեգրման ուղիները, ՀՀ ԳԱԱ Գիտություն հրատ., Երևան, 2015, էջ 9-25

Ռուբեն Սուրենի Կարապետյան

ՄԻԳՐԱՑԻԱՆ ԵՎ ԷԹՆՈՍՈՑԻԱԼ ԳՈՐԾՆԹԱՑՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՔԱՂԱՔՆԵՐՈՒՄ

Ամփոփում

Վերջին ժամանակաշրջանում էթնիկ խմբերի՝ մեծ թափ ստացած տարածական տեղաշարժերն առաջացնում են բազմաթիվ էթնոսոցիալ հակադրություններ, որոնք էլքի և մուտքի երկրներում ծնում են տնտեսական ու իրավական հավելյալ խնդիրներ: Այդ համատեքստում հատուկ նշանակություն է ստանում Հայաստանի փորձը, որի քաղաքներում XX դարում

ծավալվեցին առանձնահատուկ էթնոսոցիալ գործընթացներ, որոնց ընթացքում միգրացիան, տնտեսական, սոցիալական ու մշակութային զարգացումը և քաղաքական գործընթացները տեղի էին ունենում միաժամանակ ու փոխկապակցված: Այդ փորձը կարող է օգտակար դառնալ՝ հասկանալու նման գործընթացների օրինաչափությունները, որոնք, ինչպես ցույց են տալիս համաշխարհային միտումները, լուրջ հեռանկարներ ունեն: Առաջադրված խնդիրների լուծման գործում հատուկ նշանակություն են ստանում միգրացիոն գործընթացների էթնոսոցիալ բաղադրիչների հետահայաց ուսումնասիրությունները, որոնք առնչվում են պատմական զարգացման, սոցիալական կառուցվածքի, կենցաղի, մշակույթի, «տվող» և «ընդունող» հանրությունների առանձնահատկություններին: Դա ենթադրում է միգրանտների ելակետային ցուցիչների, տեղաբնիկների հետ նրանց փոխազդեցության օրինաչափությունների բացահայտում և ուսումնասիրում, ինչը ցույց կտա միաէթնիկ քաղաքային միջավայրում ժամանակակից հայ էթնոսի խոշոր հատվածի ձևավորման գործընթացների բնույթը: Այդ ուղղությամբ բավականին արդյունավետ էին Հայաստանում կատարված էթնոսոցիոլոգիական հետազոտությունները, որոնց ծրագրում ներառված էր միգրացիայի հիմնահարցը՝ միմյանց լրացնող երկու մոտեցումներով: Առաջինը միգրացիոն գործընթացի նկարագրությունն ու վերլուծությունն է՝ մասշտաբների, ուղղությունների և տեղաշարժերի տնտեսական, քաղաքական, սոցիալական ու էթնիկական գործոնների արձանագրման, միգրացիոն խմբերի կազմի և աղբյուրների բացահայտման հիման վրա: Երկրորդ մոտեցումը ենթադրում է միգրացիայի արդյունքում «տվող» և «ընդունող» հասարակություններում տեղի ունեցող տնտեսական, քաղաքական, սոցիալական և մշակութային գործընթացների վերլուծություն: Անկասկած, յուրաքանչյուր հետազոտողի առջև, ով փորձում է իրականացնել այդ գործընթացի համապարփակ վերլուծություն, առաջանում է երկու մոտեցումների համատեղման անհրաժեշտություն: Այդ իմաստով բնակչության արտահոսքի ու ներհոսքի և միգրանտների աղապատացման արդյունքում սոցիալ-ժողովրդագրական և մշակութային երևույթների էթնիկական ասպեկտի վրա ուշադրության կենտրոնացումը թույլ է տալիս միգրացիայի հետ կապված խնդիրների ողջ համալիրը դիտարկել իր կոնկրետ դրսևորումներով:

Ներկայացվող աշխատանքի Էմպիրիկ բազան Հայաստանի 12 (1980թ.), ապա՝ հինգ (1993 և 2005թթ.) քաղաքների էթնոսոցիոլոգիական երեք լոնգիթյուդ ծավալուն հետազոտությունների նյութերն են: Բնակչության մեծ զանգվածների ձևայնացված հարցազրույցի և բանավոր պատմության մեթոդով հավաքվել և համակարգվել են տվյալներ՝ տարբեր սերունդների ներկայացուցիչների կենսագրության մասին: Այդ դիպաշարերի արձանագրումը դարձավ վիճակագրական, արխիվային նյութերում, գրականության մեջ և այլ «տեքստերում» եղած տեղեկատվության համակարգման հիմք: Դա թույլ տվեց էականորեն խորացնել անցյալի մասին գիտելիքները, նշանակալիորեն հարստացնել պատմական վերակազմումը՝ այն առավելագույնս մոտեցնելով իրականությանը, և լայնացնել ուսումնասիրվող երևույթների ընդգրկումը՝ հասնելով հետազոտական փնտրտուքի համակողմանիության: Որոշակի մեթոդական մոտեցումների կիրառումը հնարավորություն տվեց հաղթահարել ժողովրդագրական և հոգեբանական սահմանափակումները և հետահայաց վերլուծությամբ դիտարկել գործընթացներ, որոնք տեղի էին ունեցել անցյալ դարում, կամ՝ նվազագույնը մի քանի տասնամյակ առաջ: Այդ ճանապարհով ստացված նյութերի հիման վրա հնարավոր է դառնում վերակազմել միգրացիայի աղբյուրների կառուցվածքը, հետևել քաղաքների սոցիալական տարածքում միգրանտների մուտքի բնույթին, բնակչության տարբեր խմբերի շրջանում ինտեգրման գործընթացների ուղղություններին: Տվյալ հետազոտությունը գիտական շրջանառության մեջ է դնում Հայաստանի քաղաքներում էթնոսոցիալ գործընթանցների պատմության վերաբերյալ նոր նյութ, որն ընդգրկում է միաէթնիկ միջավայրում միգրացիայի, ուրբանիզացիայի և սոցիալ-մշակութային փոխակերպման փոխկապակցված գործընթացներ:

Սույն աշխատանքի արդյունքում կատարված եզրահանգումներն ըստ հետազոտության նյութերի ունեն թե՛ տեսական, թե՛ գիտա-պրակտիկ նշանակություն: Դրանք կարող են նպաստել բնականոն և ծայրահեղ պայմաններում հայ էթնոսի տարբեր հատվածների ուսումնասիրման ծրագրերի ստեղծմանը: Ձևայնացված հարցազրույցի մեջ բանավոր պատմության կիրառման մեթոդաբանական նոր սկզբունքների մշակումը հիմք դարձավ ժամանակակից հայ էթնիկության ձևավորման ուղիների ուսումնասիրման մեթոդաբանական մոտեցումների հստակեցման, գործիքակազմի փորձարկման, դասախոսությունների շարքի նախապատրաստման համար:

Աշխատությունը կազմված է ներածությունից, չորս գլուխներից, եզրակացությունից և գրականության ցանկից:

Ներածության մեջ հակիրճ հիմնավորվում են ուսումնասիրության կարևորությունն ու արդիականությունը, շարադրված են հետազոտության հիմնական նպատակը և խնդիրները, շեշտադրված է աշխատանքի գիտական նորարարությունը, ցույց է տրված նրա տեսական և գործնական արժեքը, ինչպես նաև մեթոդաբանությունն ու գիտական աղբյուրները:

Առաջին՝ «Ուրբանիզացիան և հայ բնակչության միգրացիայի դինամիկան» գլխում դիտարկվում է Հայաստանի ուրբանիզացման ու դեպի քաղաքներ հայ բնակչության տեղաշարժի ընդհանուր և առանձնահատուկ գործոնների հարաբերակցությունը: Առաջին մասում քննարկվում են հանրապետության քաղաքների կառուցվածքի ձևավորման հիմնական օրինաչափությունները՝ դրանց զարգացման ընդհանուր և առանձնահատուկ խթաններով: Ներկայացվել է հայ բնակչության տեղաշարժի եռամակարդակ վերլուծություն՝ ընդհանուր էթնիկական, տարածաշրջանային և հանրապետական, նաև ցույց է տրվել դրա նշանակությունը քաղաքային բնակչության համալրման մեջ:

Երկրորդ՝ «Միգրացիոն հոսքերի կառուցվածքը» գլխում ներկայացվում են միգրացիայի գործոնների և աղբյուրների ձևավորման հիմնական փուլերը, իրականացվել է դրանց խմբավորումն ըստ երկու հակադիր երկանդամների՝ «գյուղ-քաղաք» և «սեփական-այլազգի» միջավայր: Դրա հիման վրա առանձնացվել են գյուղական միգրանտների ընդհանուր խումբ և երկու միջքաղաքային հոսքեր ՀՀ-ում և նրա սահմաններից դուրս: Ըստ այդ աղբյուրների և երեք ժամանակային կտրվածքների՝ հետազոտվել է գործոնների և սկզբնական սոցիալ-մշակութային ցուցանիշների դինամիկան, դուրս են բերվել դրանց փոփոխությունների օրինաչափությունները:

Երրորդ՝ «Հայաստանի քաղաքների բնակչության կազմը» գլխում քննվում են Հայաստանի բնակավայրերի և պատմաագագրական կառուցվածքի մեջ քաղաքային բնակչության կազմի ձևավորման երկու ասպեկտներ: Ասպեկտներից մեկն արտացոլում է քաղաքային բնակչության կազմի էթնոմշակութային բաղադրիչի ուսումնասիրումը: Իրականացվել է քաղաքների տիպաբանում՝ բնակչության ձևավորման աղբյուրների միասեռ-տարասեռ սկզբունքով, որի հիման վրա ցույց են տրվել բևեռային և դրանց մոտ քաղաքների տիպերը: Երկրորդ ասպեկտն արտահայտում է

հանրապետության քաղաքների միգրացիոն հոսքերի սոցիալական բաղադրիչը, որը ցույց է տալիս գյուղական և քաղաքային միգրանտների աշխատուժի ոլորտների և սոցիալ-մասնագիտական կազմի փոփոխությունների դինամիկան:

Չորրորդ՝ «Միգրանտները քաղաքների էթնոսոցիալական տարածքում» գլխում վերլուծվում են միգրանտների և նրանց նոր շրջապատի սոցիալական ու մշակութային ցուցանիշների փոխակերպման գործընթացները: Տարբեր տիպի քաղաքներում միգրացիոն խմբերի ադապտացիան բացահայտվել է հորիզոնական և ուղղահայաց կտրվածքներով: Պարզվել է Հայաստանի քաղաքների սոցիալ-մշակութային տարածքում միգրանտների ներթափանցման ընդհանուր և առանձնահատուկ բնութագիրը: Այդ գործընթացն ուսումնասիրվել է քաղաքային տարածքի առանձին հատվածներում, որի մշակութաարժեքային հատկանիշները դիտարկվել են սոցիալական հարթակներում՝ ստեղծելով բնակչության տիպաբանման հնարավորություններ:

Եզրակացության մեջ ամփոփվում են ատենախոսության մեջ առկա հիմնահարցերը, եզրահանգումները և առաջարկները: Նկատի առնելով առաջադրված խնդիրների յուրահատկությունը և հիմնվելով Հայաստանի քաղաքային բնակչության ձևավորման էթնոսոցիոլոգիական բնույթի մասին ժամանակակից տեսության և նոր էմպիրիկ նյութերի վրա՝ առաջադրվել են մի շարք աշխատանքային վարկածներ, որոնց էթնոսոցիոլոգիական վերլուծության հիման վրա արվել են որոշակի հետևություններ:

Rouben Souren Karapetyan

MIGRATION AND ETHNOSOCIAL PROCESSES IN ARMENIAN CITIES

Summary

Massive spatial shifts of ethnic groups emerge many ethno-social conceptions, which generate economic and legal additional problems in entrée and accessed countries. In that context, Armenia's experience is of huge significance, in cities of which unique ethno-social processes had been taking place in XX century, during which migration, economic, social and cultural development and political processes took place at the same time and were mutually agreed. That experience can be useful

to understand such patterns, which have serious perspectives, as international tendencies show.

Retrospective studies of ethno-social components of migration processes gain high significance for solving the given problems, which are connected to historical development, social structure, living conditions, cultural, 'giver' and 'receiver' societies. It supposes discovery and study of patterns of participants' interactions for creating Armenia's urban population and natives, which will allow having processes of cultivating large parts of Armenian ethnos in mono-ethnic urbanized environment.

Ethno-sociological studies of Armenia towards that issue were quiet benevolent, which had included the main issue of migration with two complementary approaches. The first is the description and analyses of migration process, based on scales, record of directions and economic, political, social and ethnic movement, the consistence of migration groups and sources. The second approach supposes study of results of migration study during exit and entrance, analyses of societies of 'giver' and 'receiver' countries in economic, political, social and cultural changes.

Surely, each researcher, who wants to do a complete research, has the necessity of combining those two approaches. In that sense, as a result of emigration and immigration and the adaptation of migrants, concentration on social-demographic and cultural phenomena on ethnic aspect allow us observe the entire complex of issues connected to migration in all manners.

The empirical base of this work is the material of 12 (1980) cities of Armenia and then 5 (1993 and 2005) ethno-sociological three-longitude scale of cities. Through methods of structured interview of mass population and oral stories, materials have been collected about life of different generations. Record of those stories, in addition to the direct application of the analyses of past events, became the bases of coordination of available information in statistical, archive materials, literature and other 'texts'. It allowed us deepen our knowledge of the past, significantly enrich historical reconstruction bringing it close to the reality and enlarge the inclusion of researched phenomena reaching to comprehensiveness of searches.

Usage of certain methodical approaches allowed us overcome demographic and psychological circumscriptions and include processes, which had taken place during the last century, at least few decades ago, in retrospective research. Because of the material gained that way made it possible for us to rearrange the migration structure, follow the essence of entrance of migrants to social areas of cities, process directions of integration among different population groups. This research provides a new material to the scientific circle about the history of ethno-social processes in the cities of Armenia, which includes migration, urbanization and social-cultural transformation interrelated processes in mono-ethnic environment.

Results and conclusions of the researched materials presented in this work have both theoretical and practical meaning. They can serve as the source for development of standard and extreme conditions of ethnicity study programs, for elaboration of new methodological principles in usage of oral history in structured interview, cultivation of approaches of study of modern Armenian ethnic, testing tools and development of lecture series.

The work consists of introduction, four chapters, conclusions and references.

In the introduction, the importance and modernism of the main subject is motivated, main purposes and issues of the research is described, scientific innovation is stressed, theoretical and practical value is shown, as well as methodology and scientific sources are presented.

In the first chapter “Urbanization and Migration of Armenian population” is observed the development of urbanization and movement of Armenian population to cities and the ratio of specific factors. In the first part main regularities of the formation of the structure of cities are discussed as well as their general and particular incentives of development. Three-level analyses of the movement process of the Armenian population in general ethnic, regional and statehood and their role in urban population recruitment is made.

In the second chapter “Structures of migration flows” are presented main phases of migration factors and creation of sources, performed their grouping according to two opposite binomials “village-city” and “own-foreign” environment. Based on that a general group of village migrants have been separated into two intercity flows in RA and abroad. According to those sources and three temporal incisions the dynamics of factors and primary social-cultural factors have been researched and brought out their change patterns.

In the third chapter “The population’s composition of the Armenian cities”, Armenia settlements into urban population structure and composition of the two-ethnographic aspects are discussed. One of them reflects the study of ethno-cultural component of urban population. Differentiation of cities have been implemented with homogeny- heterogenic principle and based on that polar and types of cities close by have been shown. The second aspect expresses the social component of different cities’ migration particles, which present village and city migrants’ labor sectors and socio-professional composition, dynamics.

Forth chapter “Migrants in city’s ethno-social area” analyzes migrants and processes of transformation of their new circle of social and cultural indexes. Horizontal and Vertical contexts of adaptation processes of migrants in different cities have been discovered. In that context, special and unique description of migrations widen in Armenia’s cities was revealed. That process was studied in a specific environment of urban territory, when classification opportunity emerges in social projections of cultural value features.

The conclusion summarizes the thesis of issues, results and recommendations. Taking the uniqueness of issues brought forward into consideration and based on materials on ethno-sociological essence of creation of Armenia’s urban population and new empirical materials, a number of work hypotheses have been suggested and certain examinations have been made based on their ethno-sociological analyses.